

ЛУНА

ДОРОГИ НЕ ВЕДЁТ

18+

Александр Никто
Луна дороги не ведёт

«Автор»

2026

Никто А.

Луна дороги не ведёт / А. Никто — «Автор», 2026

Пять лет Саша жил нормальной жизнью, оставив детские кошмары в прошлом. Он повзрослел, нашёл преданных друзей и почти забыл про заброшенную усадьбу из своих снов, где когда-то рос вместе с загадочными детьми — Никитой и Викой. Саша думал, что весь этот ад окончательно стёрся. Он ошибался. Обычный вечер в кафе запускает цепную реакцию. Древнее, леденящее душу зло по имени Самаэль возвращается, чтобы забрать то, что принадлежит ему по праву. Разодранная в щепки реальность трещит по швам: кошмары начинают прорастать наяву, оставляя жуткие физические следы на теле, а в голове Саши просыпается Назар — его единственная светлая защита и ангел-хранитель. В канун Нового года, среди чужого весёлого праздника и взрывов салютов, Саше предстоит принять свой самый страшный бой. Либо он добровольно шагнёт на заснеженную тропу проклятого леса и отдаст свою плоть, либо Самаэль уничтожит всех, кто ему дорог. Это его личная война, из которой нет возврата. Ведь в этом лесу луна дороги не ведёт.

© Никто А., 2026

© Автор, 2026

Александр Никто

Луна дороги не ведёт

Александр Никто & Никон

ЛУНА ДОРОГИ НЕ ВЕДЁТ

Психологический триллер / Хоррор

Глава 1. Запах маминого борща

Сырая обивка сиденья пахла дешевым табаком, ржавчиной и застарелым страхом. Я открыл глаза от того, что машина подпрыгнула на глубокой выбоине. За окном старой «Лады» хлестал глухой, бесконечный дождь, размывая силуэты голых, мертвых деревьев. В тусклом свете салонной лампочки я увидел свои руки — они были намертво стянуты грубой веревкой, которая уже врезалась в кожу до синяков. Впереди молча сидел он. Тварь, которая везла меня туда, откуда не возвращаются. Голова раскалывалась. И в этой звенящей тишине под стук капель по крыше мой мозг, спасаясь от ужаса, резко выбросил меня назад. В то утро, когда всё было хорошо. Яркий солнечный луч бесцеремонно пробивался сквозь занавеску, расчерчивая комнату золотыми полосами. Глаза открылись сами собой, а в нос сразу ударил самый лучший запах на свете — мамин борщ, который тихонько булькал на плите. На кухне было пусто и непривычно тихо. На столе белел листок, исписанный знакомым маминым почерком: «Скоро будем, мы уехали в гости к твоей тете. Еда на плите, долго не гуляй. Целую, мама». Мне было всего шесть. Жизнь казалась огромной и абсолютно безопасной. Я быстро поел, и в этот момент тишину квартиры взорвал настойчивый треск домофона. — Саня, здорова! Погнали гулять! — закричал в трубку Марк. Рядом с ним слышался смех Паши. — Давайте, пацаны, мне минут десять надо! — крикнул я в ответ. — Ладно, мы пока на качелях тебя подождем, давай шустрее! Я повесил трубку. Коридор нашей квартиры казался бесконечно длинным. Я дошел до ванной, плеснул в лицо прохладной водой, смывая остатки сна, и вернулся в комнату. Натянул любимую черную футболку, застегнул джинсы и мимоходом взглянул на себя в зеркало шкафа. И вдруг всё замерло. Внутри, прямо под ребрами, разлилась липкая, необъяснимая паника. Будто воздух в комнате разом похолодел. Я застыл, глядя на собственное отражение, и внутри меня закричал какой-то первобытный голос: «Не выходи. Останься дома». Сердце заколотилось как сумасшедшее. Это было секундное помутнение, предчувствие катастрофы... которое тут же разбилось о реальность.

Кадр резко дернулся, пошел рябью и разбился вдребезги. Никакого солнца. Никакого запаха маминого борща. Прошлого больше не существовало. Я резко вдохнул и закашлялся от удушливого запаха дешевого табака и сырости. По лобовому стеклу старой «Лады» хлестал плотный, непрекращающийся дождь, дворники со скрипом и надрывом гоняли воду туда-сюда, но сквозь стекло всё равно ничего не было видно. В кабине царил полумрак, который едва разгонял тусклый, болезненно-желтый свет салонного плафона. От этого света тени в машине казались

изломанными и жуткими. Веревки на моих запястьях налились свинцовой тяжестью, руки уже полностью затекли. Рядом, на переднем сиденье, сидела эта тварь. Я видел только его правое плечо в грязной куртке и тяжелый профиль. Он дышал хрипло, с каким-то свистом в легких, и от этого звука у меня перехватывало горло. Машину швыряло на ухабах, колеса с хлопанием проваливались в глубокую слякоть. Машина резко затормозила, колеса глубоко увязли в сырой жиже, и мотор с глухим захлебывающимся звуком заглох. В ту же секунду навалилась такая мертвая, звенящая тишина, что было слышно, как остывает под капотом раскаленный двигатель — он глухо и ритмично шелкал в темноте. Стук дождя по крыше теперь казался ударами маленьких молоточков прямо по моему черепу. Мужик не двигался. Он просто сидел, положив огромные, грязные ладони на руль, и смотрел прямо перед собой в эту белую пелену. Туман за лобовым стеклом жил своей жизнью: он лениво перекачивался волнами, лип к стеклу, словно молочную густоту всего на пару метров, выхватывая из темноты только искривленные, как костлявые пальцы, нижние ветки деревьев. Самого дома краю какой-то бездны. Прошла минута. Или вечность. Я боялся даже вздохнуть, сжавшись в комок на заднем сиденье и чувствуя, как по спине между лопаток катится ледяной пот. Вдруг мужик медленно, с тяжелым скрипом кожаной куртки, повернул голову ко мне. Лица его в полумраке было не разглядеть — просто темный, массивный силуэт и два тусклых отблеска желтого света в глазницах.

От него пахло дешевым табаком, перегаром и сырой землей, от чего к горлу сразу подкатила тошнота.— Сиди тихо, щегол, — хрипло, почти шепотом прооркотал он. В его ломаных, твердых звуках отчетливо прозвучал жесткий немецкий акцент. Этот иностранный выговор среди нашей глухомани звучал максимально дико и пугающе. Мой детский мозг тогда просто зацепился за это: «Немец»... Я, шестилетний пацан, вообще не понимал, что меня похитили. Мне просто было до смерти страшно, хотелось к маме, и этот чужак пугал меня до дрожи в коленях. Он протянул руку к замку зажигания и с резким щелчком повернул ключ. Фары «Лады» погасли...

Немец с сухим треском выдернул ключи из замка зажигания, сунул их в карман куртки и, даже не взглянув на меня, открыл водительскую дверь. Наплевав на хлещущий ливень, он спокойно отошел к ближайшему дереву отлить. Его безразличие пугало сильнее любого крика. Я остался один в леденящей темноте салона. Руки, стянутые грубой веревкой, уже полностью онемели. Пальцы покалывало, а в запястья будто вонзались сотни раскаленных иголок. От этой резкой, изматывающей боли и дикого детского страха у меня внезапно поплыло перед глазами. Желтый огонек догорающего плафона на потолке смазался в мутное пятно, салон «Лады» качнулся, и я провалился в тяжелое, глухое забытие. Очнулся я не от толчка или крика, а от странного ощущения относительного тепла. Глаза открылись с трудом. Я лежал в какой-то чужой, жесткой постели, пахнувшей пылью и старым тряпьем. Руки больше не были связаны, но жутко ныли. Вокруг царил плотная, давящая темнота заброшенного дома. Единственным источником света была старая, оплывшая свеча на полу рядом с кроватью — её огонек слабо подрагивал, готовый вот-вот потухнуть. Чуть дальше, на стене, плясали уродливые длинные тени от заколоченного окна. Сквозь щели между трухлявыми серыми досками внутрь комнаты пробивались бледные, мертвенно-белые лучи лунного света. Они разрезали мрак коридора, который угадывался за полуоткрытой дверью. Было тихо. Слишком тихо для жилого места...

Глава 2. Око за око

Огонёк свечи испустил последний, жалобный выдох и окончательно потух, оставив после себя лишь тонкую струйку горького дыма. Комната мгновенно погрузилась во мрак, и только бледные лунные полосы из-за заколоченного окна чертили на полу белые линии. Остаться здесь, в этой чужой пыльной постели, было невыносимо. Детский страх гнал меня вперед — туда, где за полуоткрытой дверью угадывался длинный коридор. Я аккуратно спустил ноги на холодный пол. Шаг, еще один. Дверь поддалась без единого звука, и я шагнул в неизвестность.

Кругом царил мёртвая, оглушающая тишина. Воздух в коридоре был пропитан сыростью, гнилым деревом и вековой пылью, от которой першило в горле. Страх пробирал до самых мурашек, заставляя волосы на руках вставать дыбом. Под потолком, едва заметные в тусклом лунном свете, покачивались огромные старые люстры. Они были намертво опутаны густой серой паутиной, похожей на свисающие ключья грязной марли. Сквозь невидимые щели в дряхлых стенах усадьбы просачивался ледяной ночной ветер. При каждом его вздохе люстры издавали протяжный, металлический скрип и противный скрежет, который эхом разносился по пустому дому.

Я замер, прижавшись спиной к стене, боясь сделать даже вдох. Коридор уходил далеко в темноту, и мне казалось, что из этой темноты за мной наблюдают десятки невидимых глаз. Вдруг в самом конце бесконечного, утопающего в тенях коридора раздался резкий, оглушительный звук. словно из далекой приоткрытой двери на сухой деревянный пол с грохотом упало что-то тяжелое, металлическое — звук был похож на упавший ржавый инструмент или старинный подсвечник. металл жалобно и долго звенел, вибрируя в пустоте, а затем этот звон эхом покатился по углам пустого дома, постепенно затихая. От неожиданности я испуганно вскрикнул, отшатнулся назад и больно ударился лопатками о холодную, покрытую трещинами стену. Трясущиеся пальцы судорожно вцепились в брезент собственной куртки.

Та далекая дверь от удара медленно, со зловещим затяжным скрипом чуть-чуть приоткрылась шире, выставив наружу тонкую полоску непроглядной, густой тьмы.

Сердце колотилось где-то в самом горле, мешая сделать вдох. Воздух казался ледяным и застоявшимся. Я сделал глубокий, дрожащий вздох, с трудом сглотнул вставший в горле ком и, преодолевая сковывающий страх, шаг за шагом пошел туда. Ноги налились свинцом, но выбора по сути не оставалось: идти навстречу этому неизвестному звуку было куда лучше, чем метаться в слепой панике по темным углам и ломать ногти в кровь, пытаясь выбить наглухо заколоченные толстыми досками окна.

Каждый шаг давался с колоссальным трудом. Гнилые половицы под моими кроссовками предательски и громко поскрипывали, выдавая мое присутствие с потрохами. Каждое покачивание люстры над головой отзывалось тихим скрежетом металла. И вот я подошел вплотную. Дверь была совсем рядом. Затаив дыхание и прижав руки к груди, чтобы унять дрожь, я осторожно заглянул в узкую щелку приоткрытой двери.

Внутри заброшенной комнаты, у старого, покрытого паутиной и глубокими трещинами зеркала, спиной ко мне сидел ребенок. На нем была какая-то старая серая одежда. Ледяной ветер, со свистом врывающийся сквозь щели в окнах, шевелил его длинные черные волосы. Они зловеще, будто живые змеи, развевались в полумраке комнаты.

Вдруг детская фигура замерла. Вокруг воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь свистом сквозняка. Медленно, пугающе плавно, с тихим хрустом в шее, ребенок начал поворачивать голову в мою сторону.

У меня окончательно перехватило дыхание, а по спине побежал ледяной, обжигающий пот. В бледном лунном свете, скользнувшем по его фигуре, я оцепенел от ужаса. Его лицо до безобразия было изуродовано глубокими, багровыми шрамами, словно его кромсали осколками стекла. Но страшнее всего были глаза... точнее, их полное отсутствие. Вместо глазных яблок на меня зияла абсолютная, бездонная пустая чернота, из которой, казалось, веяло могильным холодом. Будто в это маленькое тело вселился самый настоящий, древний демон. Он безмолвно смотрел своим черным провалом лица прямо на меня, сквозь щель в двери.

Я истошно, сорвав голос, закричал... и резко, рывком открыл глаза.

Грудь тяжело, со свистом вздымалась, футболка насквозь промокла, а лоб был покрыт каплями холодного пота. Вокруг не было ни зловещей усадьбы, ни жуткого Немца с его мертвой «Ладой», ни коридоров с паутиной и скрипящими люстрами. Я лежал в своей родной, привычной и абсолютно безопасной постели, у себя дома. За окном медленно занимался самый обычный, мирный рассвет, а с кухни доносились привычные утренние звуки.

Как оказалось, это был всего лишь сон — самый страшный, безумно реалистичный и странный кошмар, который мне только доводилось видеть за все мои шесть лет жизни. Я судорожно натянул одеяло до самого подбородка. Сон закончился, но липкое, тяжелое чувство тревоги и ощущение, что за мной кто-то наблюдает из темноты, почему-то никак не хотело уходить.

Глава 3. Не вздумай!

Время безжалостно шло вперед, стирая из памяти детские обиды, но этот проклятый заброшенный дом оставался со мной. Прошло десять лет. Мне исполнилось шестнадцать, но каждую ночь, стоило мне закрыть глаза, я снова оказывался в том холодном тумане. Кошмар рос вместе со мной. Он стал частью моей жизни, но я научился прятать его глубоко внутри, оставаясь самым обычным, тихим и спокойным парнем, который просто хотел, чтобы его никто не трогал.

Но у этой школы были свои правила. И если ты не лез в драки и держался особняком, стая неадекватных одноклассников сразу записывала тебя в жертвы.

Удар прилетел так неожиданно, что я даже не успел выставить руки. Тяжелый баскетбольный мяч на огромной скорости врезался мне прямо в лицо. В глазах на секунду полыхнуло белым, в ушах противно зазвенело, а изо рта вырвался хриплый стон от резкой, ослепляющей боли. Вокруг тут же раздался издевательский, довольный гогот шайки придурков из моего класса.

— Ой, извини, мяч сорвался! — крикнул кто-то из них, но в его голосе была только неприкрытая, чистая злоба.

Я ничего не ответил. На ватных ногах, зажимая нос ладонью, я побрел прочь из спортзала в сторону подсобных помещений. В раздевалке было пусто. Я толкнул дверь в каморку уборщицы — темную, тесную комнатку, где пахло хлоркой и мокрыми тряпками. Из разбитого носа на мой синий свитер с аккуратным пришитым воротником уже вовсю капала темная, горячая кровь, оставляя на ткани уродливые черные пятна.

Я подошел к раковине, открыл кран и плеснул на лицо ледяной водой. Стало немного легче. А затем я поднял голову и посмотрел в старое, мутное зеркало, висевшее над раковиной.

Вода стекала по моим щекам, смешиваясь с кровью, но в отражении я видел не себя.

Там, по ту сторону стекла, в бледном полумраке каморки, на меня смотрел тот самый черноволосый человек из моего кошмара. Его лицо до безобразия было покрыто глубокими багровыми шрамами-разрезами, а пустые черные глазницы горели дикой, яростной и злой силой. Отражение неестественно улыбнулось, и я физически почувствовал, как этот монстр внутри меня сжимает кулаки, готовый прямо сейчас вырваться наружу, вернуться в спортзал и разорвать моих обидчиков на куски. Противостоять этому давлению было невыносимо, по телу пробежала дрожь.

Я зажмурился, вцепился пальцами в края раковины так, что побелели суставы, и сквозь зубы яростно прошептал себе в стекло:

— Даже не думай... Слышишь? Даже не думай!

Я тяжело выдохнул, открыл глаза и снова посмотрел в зеркало. Отражение наконец-то пришло в норму: из стекла на меня глядел бледный, испуганный шестнадцатилетний пацан с разбитым носом. Я с трудом взял себя в руки, затолкнул бушующую нечисть поглубже в подсознание и вышел в коридор.

Едва я переступил порог, как дорогу мне преградил силуэт. Это была Полина. Моё сердце на секунду пропустило удар. Она нравилась мне ещё с пятого класса — уже пять лет я тайно наблюдал за ней, но никогда не решался признаться.

— Ты как? — тихо спросила она, с искренним испугом глядя на пятна крови на моём синем свитере.

— Нормально, — выдавил я из себя и неохотно приулыбнулся, стараясь, чтобы улыбка не выглядела натянутой.

Прозвенел звонок. Начался урок математики. Нашу учительницу все любили — она была по-настоящему доброй женщиной, и если кто-то чего-то не понимал, она всегда охотно и терпеливо объясняла тему с самого начала. Но сегодня я не мог сосредоточиться на цифрах и формулах. В голове стоял сплошной гул.

Шайка этих недоразвитых ублюдков сидела на задних партах. Они то и дело оборачивались в мою сторону, перешептывались и тихо, мерзко смеялись надо мной, вспоминая точный удар мячом. Я сидел абсолютно тихо, не издавая ни звука, не реагируя на их мышиную возню. Но вместо обиды или страха я вдруг поймал себя на том, что... слегка присмеиваюсь, глядя на них. Я отвернулся от них, перекинул взгляд на Полину, которая сидела впереди, и моя тихая, мрачная ухмылка сменилась тёплым чувством. Ради неё я был готов терпеть этот цирк. Пока был готов. Звонок с урока оглушительно зазвенел, разбивая душную тишину класса. Я намеренно не двигался, дожидаясь, пока все соберут вещи и свалят. Из кабинета математики я вышел самым последним.

— Постой... Как ты себя чувствуешь? — раздался сзади тихий, обеспокоенный голос.

Я обернулся. На пороге стояла наша математичка — та самая добрая женщина, которая всегда была готова помочь любому. Но стоило мне повернуться, как она осеклась на полуслове. Её глаза испуганно округлились, а сама она непроизвольно сделала шаг назад, будто увидела перед собой не шестнадцатилетнего ученика, а восставшего из могилы мертвеца. На секунду мне показалось, что она сквозь мою одежду и плоть разглядела то чудовище, которое прямо сейчас бесновалось у меня внутри.

— Нормально я себя чувствую, — ответил я.

Голос прозвучал неестественно грубо, хрипло, хотя я совсем не хотел говорить с ней в таком тоне. Это был не мой голос. Я резко развернулся и пошел прочь по коридору.

Из-за постоянных бессонниц и этого проклятого заброшенного дома, который снился мне из ночи в ночь, меня дико, невыносимо морило в сон. Голова весила тонну. В эту минуту я мечтал только об одном — просто лечь спать. Без сновидений, без кошмаров, без этой уродливой усадьбы и белого тумана. Просто выключить мозг ради капли ментального спокойствия. Но покой мне только снился.

Я дошел до старой деревянной скамьи в углу коридора и тяжело рухнул на неё. Сжал ноги вместе, уперся локтями в колени и опустил взгляд на свои руки. От с трудом подавленной агрессии вены на тыльной стороне ладоней вздулись, превратившись в натянутые тугие канаты, и было четко видно, как по ним бешено, судорожно пульсирует кровь под кожей. Пальцы мелко дрожали.

И вдруг боль в голове, терзавшая меня после удара мячом, резко, в одну секунду отпустила. Будто кто-то невидимый внутри меня щелкнул выключателем. На смену дикой усталости и панике пришло кристально чистое спокойствие. В мою голову вдруг ударила страшная, обжигающая мысль. Десять лет. Десять долгих лет мне каждую ночь снился один и тот же сон. Я всегда доходил до этой проклятой двери, видел шрамированного пацана у зеркала и в ужасе просыпался в своей постели. Сон всегда обрывался на одном и том же месте, как заезженная пленка.

Но сегодня, после удара в спортзале, когда внутри меня впервые закипела настоящая, бешеная ярость, этот чертов сон не оборвался. Пленка пошла дальше. Я переступил черту, за которую никогда не заходил.

И теперь я с ужасом понимал: пока я все эти десять лет просыпался, ходил в школу, рос и жил нормальной жизнью, здесь, в этом Богом забытом доме, время тоже шло.

Глава 4. Спустя 10 лет страха

Я буквально ввалился в свою квартиру, чувствуя себя абсолютно разбитым. Нос всё ещё тупо ныл после удара баскетбольным мячом, а перед глазами плыли серые круги. Кое-как натянув домашнюю одежду и спрятал испачканный синий свитер подальше в стирку, чтобы мама ничего не заметила, я зашёл в свою комнату. Из-за постоянных бессонниц и изматывающего страха перед каждой ночью меня морило так сильно, что ноги едва держали. Навалилась свинцовая, удушливая усталость. Я рухнул на кровать прямо в одежде и мгновенно провалился в глухую, тяжёлую темноту.

Я резко вздохнул и открыл глаза.

Снаружи, за окном усадьбы, наглухо забитым трухлявыми серыми досками, царил вечный полумрак и белый, как молоко, туман. Я стоял посреди длинного коридора заброшенного дома, прижавшись спиной к треснувшей стене. Голова раскалывалась от дикого испуга. Секунду назад в щели приоткрытой двери я увидел того самого оборванца со шрамами-разрезами и абсолютно чёрными, демоническими глазами, который вырос вместе со мной. От ужаса у меня перехватило дыхание.

Вдруг из темноты за моей спиной резко показалась рука. Мягкие, но сильные пальцы — это была женская рука — намертво зажали мне рот, лишая возможности издать хоть какой-то звук. Она грубо, но бережно потянула меня за угол, уводя подальше от дверного проёма вглубь своей комнаты.

— Не издавай ни звука. Даже не пикни, — мертвенно-бледными губами прошептала она, склонившись к моему уху. — Он вернулся обратно в усадьбу... Я потом тебе всё-всё объясню, обещаю. Только молчи.

Она плавно отвела меня в сторону и толкнула за угол массивного шкафа. Я наконец-то смог рассмотреть её в тусклом полумраке. Это была красивая шестнадцатилетняя блондинка со светлыми, растрёпанными волосами. На ней была ярко-розовая кофта, старые джинсы и поношенные, некогда белые кроссовки с потертыми мысами.

Я огляделся по сторонам и замер от удивления. Вопреки всей остальной усадьбе, эта комната выглядела куда ухоженнее. Стены были чистыми, словно здесь совсем недавно кто-то вручную сделал аккуратный ремонт, пытаясь отгородить этот маленький уголок от гнили заброшенного замка. Из приоткрытых дверок шкафа, за которым я прятался, доносился лёгкий, едва уловимый аромат сладких женских духов. Этот мирный запах настолько дико контрастировал с окружающим кошмаром, что у меня пошла кругом голова.

— ТИХО! — резко шикнула блондинка, и её пальцы со всей силы впились в моё плечо.

В ту же секунду по длинному коридору усадьбы разнёсся дикий, оглушительный ор. Кто-то кричал бешеным, срывающимся голосом, и этот крик мгновенно перерос в жуткий, насильственный смех. Звук был до такой степени неестественным, что волосы на моих руках встали дыбом. Было даже не столько страшно, сколько абсолютно непонятно, что здесь, чёрт возьми, происходит.

Я сильнее зажался в угол её шкафа, впитывая аромат женских духов и пытаюсь раствориться в тени. А раздражённый, безумный смех за стеной всё продолжал греметь, отражаясь от пустых стен дома. Сквозь эти вопли и хохот внезапно прорвались яростные слова, выкрикнутые кем-то срывающимся на хрип голосом:

— Мы сделаем всё! Сделаем всё, чтобы он понял, кто мы есть на самом деле! Дайте только время, Хозяин!..

Договорить кричавшему не дали. Раздались страшные, хлесткие звуки, похожие на то, как человеку один за другим с хрустом ломают пальцы на руке. Коридор снова взорвался волной нечеловеческой боли, которая оборвалась резкой, оглушительной пощёчиной. Хлесткий удар эхом отозвался по барабанным перепонкам.

И всё затихло. Гул в усадьбе утих так же внезапно, как и начался. В коридоре воцарилась гробовая, звенящая тишина. Спустя пару минут где-то внизу, на первом этаже, с резким металлическим хлопком закрылась тяжёлая входная дверь.

Прошла долгая, мучительная минута. За окном послышался надрывный скрежет стартера, и со двора донёсся глухой рокот заведшегося автомобильного мотора. «Лада» Немца тронулась с места. В ту же секунду сквозь узкие щели между досками в комнату ворвался ослепительно яркий, бьющий по глазам белый свет фар уезжающей машины. Лучи разрезали полумрак комнаты, скользнули по потолку и медленно угасли, когда автомобиль скрылся в глубине туманного леса.

Едва рокот мотора окончательно затих, девушка облегчённо выдохнула и пулей выбежала из комнаты в коридор.

— Как ты?! — донёсся до меня её испуганный, дрожащий голос, обращённый к кому-то снаружи.

Я остался сидеть за шкафом. Выходить наружу не было никаких сил. Я обнял руками колени, уткнулся в них лицом, чувствуя, как внутри нарастает глухая, бес-

сильная паника. Мысли путались. Да что тут происходит? Зачем я здесь? Кто этот Хозяин? Я больше не хотел разгадывать эти загадки. В эту минуту я просто безумно, до слёз хотел обратно домой. В свою тёплую постель, в реальный мир, где нет этого белого тумана, шрамов и ломающихся пальцев. Я просто мечтал, чтобы этот кошмар наконец-то закончился, и я проснулся.

Но из коридора, заменяя уехавшего Немца, раздался другой голос — тот самый, принадлежавший повзрослевшему парню у зеркала. Слегка хриплым, едва восстановившимся после пыток, но всё ещё дерзким и оставшимся смехом он процедил:

— Отвали... Я в порядке.

Хриплый, дерзкий смех шрамированного парня в коридоре заставил меня вздрогнуть. Прятаться дальше в пыльном углу за шкафом и размазывать сопли от страха стало уже просто тошно. Внутри вновь проснулось то самое злое упрямство, которое охватило меня в школьной раздевалке после удара мячом. Силой воли я заставил трясущиеся колени разогнуться, поднялся на ноги, глубоко вдохнул аромат женских духов и медленно вышел из укрытия. Я сделал шаг к полуоткрытой двери, преодолел разделявшие нас метры и переступил порог, выходя в холодный, тёмный коридор.

Они стояли прямо там, в бледных лучах лунного света, пробивавшегося сквозь заколоченные окна. Блондинка в розовом испуганно прижимала ладони к груди, а парень со шрамами опирался плечом о стену. Я подошёл вплотную и впервые заставил себя заглянуть ему прямо в лицо. Вблизи он выглядел ещё страшнее, чем в щель двери: багровые разрезы тянулись через все щеки, пальцы на правой руке были неестественно вывернуты и опухли после пыток Немца, а вместо глаз зияла та самая глухая, бездонная чёрная пустота. Но он не казался слабым. Наоборот, от него веяло такой тяжёлой, злой уверенностью, что у меня перехватило дыхание.

— О, гляди-ка, вылез, — парень со шрамами криво ухмыльнулся, заметив меня, и его пустые глазницы уставились мне прямо в душу. — А я думал, ты там до утра молиться будешь.

— Да кто вы такие, чёрт вас дернул?! — не выдержал я, и мой голос сорвался на крик, эхом разнесшийся по пустому дому. — Откуда вы знаете моё имя? И почему... почему вы выросли?! Мне десять лет снился один и тот же сон, где вы были мелкими детьми! Что это за адское место?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.